

## В. В. СПЕРАНТОВ

### MISCELLANEA POETOLOGICA

#### 1. Был ли кн. Шаликов изобретателем «онегинской строфы»?

«Онегинской строфе», которая по праву считается вершиной русской строфики, посвящено несколько десятков лингвистических, стиховедческих и историко-литературных исследований — ее можно считать самой изученной из всех строфических форм русской поэзии<sup>1</sup>. Часть работ обстоятельно или мимоходом касалась вопроса о происхождении строфы: хотя она является «именной» и однозначно ассоциируется с «Евгением Онегиным», многие исследователи не раз пытались отыскать ее первоисточник. Поиски эти успехом не увенчались: общепризнанно, что «онегинская строфа была вполне оригинальным созданием Пушкина: ни в русской, ни в европейской поэзии подобных 14-стиший не было» (Гаспаров 1984, 154; ср. Винокур 1941, 159—160; Тынянов 1929, 279; Томашевский 1958, 133; Nabokov 1981, 10; Никонов 1974, 253; Илюшин 1977, 92; Bailey 1993, 860; и др.).

У Пушкина онегинская строфа впервые появляется именно в «романе в стихах»: предположение о том, что первоначально она разрабатывалась для неоконченной поэмы «Таврида» (Гофман 1919, 11; Гроссман 1924, 118; Томашевский 1929, 77—79; Цвяловский, Модзалевский, Зенгер 1935, 294), было опровергнуто Г. О. Винокуром (1941, 156 и далее). По мнению Л. П. Гроссмана, образцом для онегинской строфы мог послужить сонет (1924, 125—131; ср. Квятковский 1966, 185; Nabokov 1981, 10, 12—13; а также Шапир 1990, 344 примеч. 6); по мнению Г. Н. Поспелова, пушкинская строфа восходит к байроновским октавам (1941, 154; ср. Тынянов 1929, 279; Nabokov 1981, 10). Позднее обе точки зрения соединил В. А. Никонов: «Источники Онегинской строфы — сонет и октава» (1974, 253). Ю. Н. Тынянов (1929, 279—280) усмотрел генетическую связь «Онегина» с экспериментами в области одической строфики. А. П. Квятковский обратил внимание на 14-стишную строфу державинской оды «На новый 1797 год» (1966, 185—186; ср. Тимофеев 1928, 71 примеч. 1; Томашевский 1929, 77—79 примеч. 1)<sup>2</sup>. И наконец, М. Л. Гаспаров, который назвал сходство онегинской строфы с четырнадцатистишием сонета «чисто внешним», фактически присоединился ко взглядам Тынянова на ее родство с одой: «<...> неожиданным зачатком ее можно считать разве

что редкую одическую строфу А6А6 + ВггВ + дд из оды С. Боброва на годовщину основания Петербурга» (1984, 154)<sup>3</sup>.

Другое направление поисков было связано со стремлением обнаружить в астрофическом стихе Пушкина и его предшественников сочетание строфоидов, случайно совпадающее с конфигурацией рифм в онегинской строфе. Методологически оправданными поиски такого рода делает проницаемость границ между астрофическим 4-стопным ямбом и онегинской строфой у самого Пушкина: так, несколько видоизменив XIII строфу неоконченной поэмы «Езерский», Пушкин перенес ее в астрофический стих первой импровизации «Египетских ночей» (строки 17—30 повторяют рифмовку онегинских стансов). Искомую последовательность рифм В. В. Набоков разглядел в 8-сложнике Лафонтена, в 4-стопном ямбе Дмитриева (два случая в поэме «Ермак»), у Пушкина в «Руслане и Людмиле», а также у Вордсворта [первые 14 строк 18-строчной строфы, написанной вольным ямбом с мужскими окончаниями (Nabokov 1981, 11—14)]. Не будучи знакомым с результатами Набокова, А. А. Илюшин (1977, 92—96) сумел их существенно дополнить, отыскав «онегинскую» рифмовку в alexandrinaх Парни и в 4-стопном ямбе Байрона и Пушкина (трижды в «Руслане и Людмиле» и четырежды в «Полтаве»).

Не исключая связи между рифмовкой строфических и астрофических произведений и не отрицая зависимости Пушкина от строфики его предшественников, нельзя тем не менее не признать, что параллели между онегинской строфой и всеми ее перечисленными «прототипами» являются приблизительными и натянутыми. А между тем от внимания специалистов ускользнул текст, в строфах которого мы находим ту же последовательность рифм, что и в «Евгении Онегине». Это ода кн. П. И. Шаликова «Стихи Его Величеству Государю Императору Александру Первому на бессмертную победу пред стенами Лейпцига в Октябре 1813 года». Прочитируем три из шести строф этого стихотворения по его первой и единственной публикации (Шаликов 1813, 174—176):

«Святое дѣло, торжествуй!  
И слава въ лѣтописяхъ міра  
Христовыхъ воиновъ ликуй;  
Какъ звѣздный сонмъ въ поляхъ евриа!  
Блаженства на земли предтечь,  
Монарховъ правды сильный мечь  
Да поразить — и не возстануть! —  
Сыновъ злодѣйства! и да грянуть  
Отмщенья громы въ ихъ главы

За миллионъ пожатыхъ ими,  
 За брани съ Россами Моими,  
 За раны вѣрной Мнѣ Москвы!»  
 Рекъ Царь небесъ — и совершилось!...  
 Чудесь позорище открылось!

Сошлись безчисленны полки;  
 Гортани мѣдны заревѣли;  
 Отъ каждой сто смертей руки;  
 Сердца свирѣпостью кнѣгли —  
 Одни за Бога, за Царей;  
 Другіе за кумиръ страстей —  
 Земля стонала, небо тмилось,  
 Иль страшнымъ заревомъ багрилось;  
 Текла рѣками черна кровь —  
 По нихъ неслися труповъ горы:  
 Съ явленьемъ утренней Авроры  
 И до ея господства вновь  
 Не прерывалась адска сѣча,  
 Сей день въ дняхъ битвъ увѣковѣча!

<...>

Грemitъ въ подсолнечной труба  
 Богини вѣстницы крылатой:  
 «Для смертныхъ новая судьба  
 Возникла изъ страны, богатой  
 Отъ вѣка доблестью сердецъ!»  
 И на ТЕБЯ, нашъ ЦАРЬ-Отецъ!  
 Изъ всѣхъ земли концовъ языки  
 Благословеній, счастья клики,  
 И мысль и умъ, и взоръ и слухъ,  
 Съ душой и сердцемъ обратили!  
 Тобой спасенну изумили  
 Вселенную дѣла и духъ  
 ТВОИ, МОНАРХЪ, неимовѣрны!  
 Они пребудутъ безпримѣрны!

Надо сказать, что эта строфическая форма уже 20 лет тому назад была зафиксирована в каталоге, помещенном в приложении к неопубликованной диссертации Дж. Смита (Smith 1977, 444). Однако никакого резонанса это открытие не получило: Смит не привел библиографических сведений об источнике оды Шаликова и воздержался от какого-либо комментария, не отметив, в частности, сходства шаликовской строфы с онегинской. Ничего не говорится о Шаликове и в диссертационном исследовании Е. Е. Давыдовой (1996), целиком посвященном образу Александра I в прижизненной литературе.

Хотя кн. Шаликов опередил Пушкина на целое десятилетие, мы всё же не стали бы его называть первооткрывателем онегинской строфы:

все 6 стрóf его оды отличаются от пушкинских тем, что начинаются не с женской клаузулы, а с мужской (*aBaBccDDeFFeGG*). В то же время степень близости между строфами обоих поэтов не надо недооценивать: в представлении Пушкина онегинская строфа — это в первую очередь схема рифмовки. Вспомним пушкинскую запись «метрической формулы» романа: «Strof 4 / croisés, 4 de suite 1.2.1. et deux» (Якушкин 1884, 331; Цявловский, Модзалевский, Зенгер 1935, 293; Винокур 1941, 156; Томашевский 1958, 112 и др.). Эта формула не диктует места мужских и женских окончаний; ей в равной мере удовлетворяют и шаликовская строфа, и онегинская. В русской поэзии строфы чаще открываются женским стихом, чем мужским (Гаспаров 1984: 93; 1993, 74), — тем любопытнее, что в первом варианте онегинской строфы последовательность клаузул была обратной<sup>4</sup>.

Стрóфы шаликовской оды имеют еще одно отличие от стрóf «Евгения Онегина» (может быть, менее заметное, но ничуть не менее важное): они лишены сколько-нибудь регулярных внутренних синтаксических членений. У Пушкина и его последователей первые два четверостишия представляют собой, как правило, не только рифменное, но и синтаксическое единство: конец первого строфоида совпадает с концом предложения приблизительно на 70—80%, конец второго строфоида — на 50—65% (Винокур 1941, 186—188, 204 и др.; ср. Томашевский 1958, 116—127; Поспелов 1960, 84—170; 1976; Лотман 1966, 21—25; Пейсахович 1969; Постоутенко 1990; Шапир 1990, 346—347 примеч. 34, 38, 55)<sup>5</sup>. У Шаликова совсем не так: и после 4-го, и после 8-го, и после 12-го стиха граница между периодами проходит в одном случае из шести.

Разумеется, не может не возникнуть вопрос, знал ли Пушкин об изобретении Шаликова и учитывал ли опыт предшественника. Конечно, тот и другой могли сделать свое «открытие» независимо. Однако знакомство Пушкина с шаликовскими «Стихами ... Александру» кажется вполне вероятным: они появились в момент наивысшего подъема патриотических настроений, и к тому же в «Вестнике Европы», то есть в самом авторитетном журнале того времени (именно в нем меньше чем через год впервые напечатался Пушкин). Не забудем, что, несмотря на славу графомана, а точнее даже благодаря ей, Шаликов, подобно Хвостову, был поэтом достаточно читаемым. И вместе с тем нельзя не отметить, что «Стихи» Шаликова ни разу не переиздавались: он был убежденным карамзинистом и не включил ни в одно собрание ни одной из своих од<sup>6</sup>.

К сожалению, мы не можем дать определенного ответа и на вопрос о том, каковы источники строфы самого Шаликова. Несомненно только, что он использовал опыт астрофического стиха, чужого и своего собственного: в произведениях свободной рифмовки у Шаликова попадаются сложные и прихотливые цепочки рифм, в том числе напоминающие онегинскую строфу<sup>7</sup>. Поэтическое наследие Шаликова по преимуществу астрофично: в главных своих жанрах — в посланиях и в элегиях — он пользуется либо александрийским стихом парной или вольной рифмовки, либо астрофическим четырехстопным ямбом. Напротив, немногочисленные шаликовские оды имеют регулярное строфическое членение: это могут быть восьмистишия *AbAbCdCd* («Ода на прибытие Е. И. В. Павла Первого ... в Москву 1797 года»), десятистишия *aBaVcDDcEE* («Стихи ... Елисавете Алексеевне ... на победы Александра Первого», 1813)<sup>8</sup>, двенадцатистишия *AbbAcDDcEfEf* («Стихи ... Марии Феодоровне на взятие Парижа ... Александром Первым», 1814) или, наконец, «онегинские» четырнадцатистишия «Стихов ... Александру Первому».

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Обзор литературы см.: Шапир 1990, 344—348 примеч. 1, 6, 24, 31, 32, 34, 38, 41, 43, 44, 55, 56, 61 и др.; Постоутенко 1996, 109—110.

<sup>2</sup> У Державина это четырнадцатиштишие входит в состав трижды повторяющейся гиперстрофы: *AbAbCdCdEE + 3 × AbAbCCdEdEfGGf*.

<sup>3</sup> Не совсем понятно, почему строфу типа *AbAbCddCee* М. Л. Гаспаров называет редкой и приписывает ее Боброву. Впервые ее употребил Богданович («Ода из псалмов 1-ая», 1761), но до Боброва она встречается также у Капниста, Крылова, Клушина, И. Кованько и Карамзина (см. Smith 1977, 433). С диссертацией Дж.Смита нам любезно помог ознакомиться М. Л. Гаспаров, которому мы приносим самую искреннюю благодарность.

<sup>4</sup> Заметим, что в астрофических 4-стопных ямбах Пушкина «случайные онегинские строфы» иногда тоже начинаются с мужского стиха (Илюшин 1977, 95—96).

<sup>5</sup> Данные по синтаксису онегинской строфы согласуются с данными по ритмике (Шенгели 1921, 53—54; Гаспаров 1989, 142—144; Лотман 1990, 47—49).

<sup>6</sup> По большей части они выходили отдельными изданиями.

<sup>7</sup> По предварительным данным, «онегинская» рифмовка в астрофических текстах Шаликова представлена дважды: в 6-стопном и в вольном ямбе [«К моей хижине» (строки 29—42), «Любезной девице, которую зовут Верою» (строки 15—28; кроме 26-го и 27-го стиха, все прочие — 6-стопные); см. Шаликов 1819, 63—64, 252]. Первой в «онегинской» комбинации строфондов один раз оказывается мужская строка, другой — женская.

<sup>8</sup> Это та же самая строфа Боброва, с которой сравнивает онегинскую строфу Гаспаров, но только Шаликов и ее начинает не с женского стиха, а с мужского (см. примеч. 3). Прежде Шаликова этой строфой писал Державин («Милорду, моему пуделю», 1807; см. Smith 1977, 434).

### БИБЛИОГРАФИЯ

- Винокур, Г.: 1941, 'Слово и стих в «Евгении Онегине»', *Пушкин: Сборник статей*, Москва, 155—213 (= Труды Московского института истории, философии и литературы; Б. т.).
- Гаспаров, М. Л.: 1984, *Очерк истории русского стиха: Метрика; Ритмика; Рифма; Строфика*, Москва.
- Гаспаров, М. Л.: 1989, 'Строфический ритм в русском 4-стопном ямбе и хорее', *Russian Verse Theory: Proceedings of the 1987 Conference at UCLA*, Columbus, Ohio, 133—147 (= UCLA Slavic Studies; 18).
- Гаспаров, М. Л.: 1993, *Русские стихи 1890-х — 1925-го годов в комментариях*, Москва.
- Гофман, М. Л.: 1919, '«Евгений Онегин»', А. С. Пушкин, *Евгений Онегин*, Петербург, 3—44.
- Гроссман, Л. П.: 1924, 'Онегинская строфа', *Пушкин*, Москва, сб. 1, 115—161.
- Давыдова, Е. Е.: 1996, *Образ Александра I в русской литературе его времени (1777—1825): [Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук]*, Москва (Московский государственный университет; Филологический факультет).
- Илюшин, А. А.: 1977, 'К истории Онегинской строфы', *Замысел, труд, воплощение*, Москва, 92—100.
- Квятковский, А.: 1966, *Поэтический словарь*, Москва.
- Лотман, Ю. М.: 1966, 'Художественная структура «Евгения Онегина»', *Ученые записки Тартуского государственного университета*, вып. 184, 5—32.
- Лотман, М. Ю.: 1990, 'Ритмическая структура онегинской строфы', *Методология и методика историко-литературного исследования: Тезисы докладов 3-й научной конференции*, Рига, 46—50.
- Никонов, В.: 1974, 'Онегинская строфа', *Словарь литературоведческих терминов*, Москва, 253.
- Пейсахович, М. А.: 1969, 'Онегинская строфа в поэмах Лермонтова', *Научные доклады высшей школы, Филологические науки*, № 1, 25—38.
- Поспелов, Г.: 1941, '«Евгений Онегин» как реалистический роман', *Пушкин: Сборник статей*, Москва, 75—154 (= Труды Московского института истории, философии и литературы; Б. т.).
- Поспелов, Н. С.: 1960, *Синтаксический строй стихотворных произведений Пушкина*, Москва.
- Поспелов, Н. С.: 1976, 'Синтаксический строй Онегинской строфы в соотношении с ее метрическим членением и в соответствии с особенностями в построении ее временного плана', *Вопросы русского языкознания*, Москва, вып. 1, 146—156.

- Постоутенко, К. Ю.: 1990, 'Пунктуация онегинской строфы: (заметки на полях теории стиха Б. В. Томашевского)', *Методология и методика историко-литературного исследования: Тезисы докладов 3-й научной конференции*, Рига, 46—50.
- Постоутенко, К. Ю.: 1996, '15 000 звуков: (заметки о вокализме «Евгения Онегина»)», *Славянский стих: Стихovedение, лингвистика и поэтика: Материалы международной конференции 19—23 июня 1995 г.*, Москва, 109—115.
- Тимофеев, Л.: 1928, 'Из истории и теории русского стиха', *Ученые записки Института Языка и Литературы Российской Ассоциации Научно-Исследовательских Институтов Общественных Наук*, т. II, 70—102.
- Томашевский, Б.: 1929, Тезисы «Песен Западных Славян» [1926, 1929], Б. Томашевский, *О стихе: Статьи*, Ленинград, 77—93.
- Томашевский, Б. В.: 1958, 'Строфика Пушкина', *Пушкин: Исследования и материалы*, Москва — Ленинград, т. II, 49—184.
- Тынянов, Ю.: 1929, 'Пушкин' [1927], Ю. Тынянов, *Архаисты и новаторы*, Ленинград, 228—291.
- Цявловский, М. А., Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер: 1935, *Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты*, Подготовили к печати и комментировали М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер, Москва — Ленинград.
- Шаликов, П.: 1813, 'Стихи Его Величеству Государю Императору Александру Первому на бессмертную победу пред стенами Лейпцига в Октябре 1813 года', *Вестник Европы*, ч. LXXII, № 23/24, 174—176.
- Шаликов, [П.]: 1819, *Сочинения Князя Шаликова*, Москва, ч. 2: Стихи.
- Шапир, М. И.: 1990, 'Приложения: Комментарии; Библиография; Указатели', Г. О. Винокур, *Филологические исследования: Лингвистика и поэтика*, Москва, 255—448.
- Шенгели, Г.: 1921, *Трактат о русском стихе*, Одесса, ч. I: Органическая метрика.
- Якушкин, В. Е.: 1884, 'Рукописи Александра Сергеевича Пушкина, хранящиеся в Румянцовском музее в Москве', *Русская старина*, т. XLII, кн. V, 325—354.
- В[ailey], J. O.: 1993, 'Onegin Stanza', *The New Princeton Encyclopedia of Poetry and Poetics*, Princeton, N. J., 860.
- Nabokov, V.: 1981, 'The Eugene Onegin Stanza' [1964], A. Pushkin, *Eugene Onegin: A Novel in Verse*, Translated from the Russian, with a Commentary, by V. Nabokov, Paperback edition in 2 vols. Princeton, vol. I: Translator's Introduction; *Eugene Onegin: The Translation*, 9—14 (= Bollingen Series; LXXII).
- Smith, G. S.: 1977, *The Stanza Forms of Russian Poetry from Polotsky to Derzhavin: Thesis submitted for the degree of Ph. D.*, University of London.